

ЛЮДМИЛА ЛАПИНА

СОЛНЦЕВОРОТ

БЛОКАДНАЯ ПОВЕСТЬ

Людмила Лапина
Солнцеворот.
Блокадная повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36055256

ISBN 9785449318206

Аннотация

Всем ленинградцам и петербуржцам, пережившим и не пережившим смертельные 867 дней блокады родного города, посвящается эта повесть.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Солнцеворот

Блокадная повесть

Людмила Лапина

© Людмила Лапина, 2018

ISBN 978-5-4493-1820-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

ДЕНЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

Репродуктор вздрогнул, и бодрые звуки «Марша авиаторов» раздались над перроном Витебского вокзала. До отправления скорого поезда «Ленинград—Одесса» оставалось десять минут.

– Будем прощаться, – сказала Лидия Андреевна. Яна бросилась на шею матери, сбивая ее шляпку.

– Ну, полно, полно, дитя мое, – укоризненно сказала Лидия Андреевна, поправила белую кружевную шляпку и поцеловала дочь.

– Папочка, до свиданья!

Всхлипывающее чадо перешло в объятия отца, массивного и непривычного в белом чесучовом костюме, форма военврача идет ему гораздо больше.

– Янка, не грусти, мы вернемся через три недели и поедем на нашу дачу, – сказал Ян Михайлович и поцеловал дочь.

– Да, папочка, хоть бы скорее.

– Лина, берегите Яночку, – строго сказала Лидия Андреевна и подтолкнула девушку к домработнице.

– Не беспокойтесь, Лидия Андреевна, у нас все будет хорошо, как всегда. А вы, как приедете, сразу дайте телеграм-

му.

Акулина Михайловна – член семьи уже сорок лет. Она вынянчила Лидочку Муромцеву, а когда та вышла замуж и родила Яночку, Акулина Михайловна вынянчила и ее. И с тех пор вела хозяйство Петерсов. Хозяйка и домработница поцеловались, Ян Михайлович пожал руку Акулине Михайловне.

– Садитесь, пожалуйста, осталось пять минут, – пригласил пассажиров мягкого вагона щеголеватый, подтянутый проводник в черной форме. Семья еще раз торопливо расцеловалась, и Ян Михайлович подсадил супругу в вагон.

Яна и тетя Лина подошли к окну вагона. Родители Яны сидели напротив друг друга в двухместном купе и счастливо улыбались. Лидия Андреевна успела снять шляпку и теперь поправляла темные волосы, скрученные в два валика над высоким белым лбом, как у Любови Орловой. Яна постучала в закрытое окно. Родители послали ей воздушный поцелуй и украдкой взяли за руки. Паровоз громко свистнул, окутался паром, поезд медленно поплыл вдоль платформы. Яна и тетя Лина стояли, обнявшись, и махали вслед.

– Они до сих пор красивая пара, – сказала тетя Лина.

– Счастливые, – выдохнула девушка, – едут к морю в мягком вагоне.

– В понедельник, наверное, придет от них телеграмма, – сказала Акулина Михайловна.

– Как бы я хотела поехать с ними далеко-далеко, в мягком вагоне, – мечтательно произнесла Яна. Ей всегда нравился

особый запах на перроне – горячий металл и горящий уголь звали в дальнюю дорогу.

– Ты забыла, что едешь, завтра на дачу, и будешь там всю субботу и воскресенье?

– А мы сейчас зайдем в Елисейевский? – с лукавой улыбкой спросила девушка.

– Заедем, егоза, – ответила Лина.

Они вышли с вокзала и сели в трамвай. Деревянные сидения тянулись вдоль всего вагона, раздался громкий звонок, и трамвай тронулся. Яна наслаждалась поездкой. Жаркий солнечный день заканчивался. Золотистое закатное сияние охватило всю западную сторону неба. Яна восторженно крутила головой налево, направо и вскрикивала:

– Как красив наш Ленинград в такую погоду!

– У меня глаза болят, уж слишком много сейчас света, – ворчливо сказала няня.

– Ну что вы говорите, разве света может быть много! – вскричала Яна.

– Посмотрите, тетя Линочка, Ленинград сейчас кажется полупрозрачным, почти стеклянным, или леденцовым, как в той сказке Гофмана. Помните, мы ее читали, когда я была маленькой.

– Про этого... с орехами... Щелкунчика?

– И на балет вы меня водили...

– Но зимой у нас холодно и мрачно, – настаивала Лина.

– И вовсе нет, одеться потеплее, и на каток в ЦПКиО, или

в Дюны на лыжах!

– Вставай, егоза, мы выходим!

На главном проспекте Ленинграда Лина и Яна постояли, любуясь закатом. Широкий проспект по всей длине залит пурпурным сиянием опускающегося за горизонт в сторону Невы солнца, даже зеленые кроны деревьев в саду Дворца пионеров кажутся багряно-золотыми. Все величественные здания освещены одинаково, тень не отбрасывают, в темнеющем небе ослепительно горит золотая игла Адмиралтейства.

– Завтра будет хорошая погода, – уверенно сказала Лина, – смотри, деточка, закат красный, а не малиновый.

Их обгоняли гуляющие, почти все были в белом и улыбались красивой девушке. Яна сегодня надела белую юбку, белую блузку с рукавами-фонариками и комсомольским значком. Белые парусиновые туфли были с вечера начищены доброй тетей Линой зубным порошком. Яна поправила белый берет на темных, как у матери, волосах, и потянула Лину в ленинградский гастроном номер один.

– Пойдемте скорее!

– Иду, детка.

– О чем вы задумались, тетя Линочка? – ласково спросила Яна.

– Как чисто в нашем городе, безопасно, уютно, и людей немного, никто не толпится, не толкается, не кричит.

– Так было, наверное, до революции? – наивно спросила Яна.

– Так стало в последние два-три года, – со вздохом ответила Лина. Они вошли в магазин и повернули налево. Ярко светились круглые матовые электрические лампы, отражающиеся в неровной форме зеркалах и стеклянных витринах прилавков. И кассы, и прилавки сделаны их заморского красного дерева. «Вот вам буржуазный стиль модерн во всей

красе, – потрясенно подумала Яна, – и он мне очень нравится».

– Какие конфеты покупаем? – осведомилась Лина.

– Раковые шейки, конечно, – отозвалась Яна.

– Да, твои любимые.

– А помните, как в «Хождении по мукам», в первом томе, Телегин предлагал Даше карамельки от Елисеева?

– Да, ты мне читала это место, – ответила Лина. – Что еще берем?

– Колбасу докторскую... – подсказала девушка.

Вскоре, нагруженные покупками, Яна и Лина вышли в коридор, разделяющий две части Елисеевского магазина.

– Зайдем сюда, – позвала Яна, стремительно поворачивая направо.

– Чего ты еще хочешь? – вздохнула Лина, но пошла за своей девочкой.

– Хочу кофе, – ответила она, блаженно вдыхая запахи свежемолотого кофе, копченой рыбы и специй. «Так, наверное, пахнет во всех магазинах колониальных товаров по всему миру».

– Кофе молотый или в зернах? – уточнила Лина.

– В зернах, я его завтра сама смелю, – ответила девушка, слегка краснея.

Они вышли из магазина, и перешли проспект Двадцать Пятого Октября к остановке троллейбуса. Вскоре подкатил троллейбус номер пять. Яна и Лина поднялись в салон и по-

ехали домой по Советскому проспекту к Смольному собору, в конец Тверской улицы.

– Пусть завтра у нас опять будет хорошая погода, – горячо шептала девушка, глядя в окно.

– А если будет дождь, останешься дома? – поддразнила ее Лина.

– Все равно поеду, надену плащ, резиновые боты, возьму зонт и поеду, там же наш кот один остался.

– Не забудь дать ему докторской колбасы, – напомнила Лина.

– Ой, тетя Линочка, вы до сих пор считаете меня маленькой дурочкой, – вспыхнув, выдавила Яна. Няня ответила ей со спокойной улыбкой:

– Как же ты дотащишь все эти продукты, которые мы купили?

– Но вы же меня проводите на вокзал, тетя Линочка?

– Конечно, провожу, и вернусь домой стирать белье.

– А вы разве не поедете со мной?

– Нет, у меня большая стирка, и я приеду вечером. Но тебя же там встретят.

– Да, Егор Шестаков, мой однокурсник. Мы будем заниматься историей и немецким языком, – ответила Яна и покраснела.

– Ну что ж, это приличный молодой человек, – сказала Лина. – Я знаю его маму и сестер.

– Представляете, он разгружает вагоны, чтобы купить сво-

им сестрам обновки.

– А учится он как?

– Почти на все пятерки, – радостно сказала Яна. – Занимается парашютным спортом!

– Вот с парашютом ты прыгать не будешь никогда, – резко сказала Лина. Яна надула губы.

– А многие комсомольцы у нас в университете уже имеют значок «Парашютист-спортсмен».

– Слишком опасно прыгать с парашютом, – отрезала Лина. – Ну вот, мы подъезжаем.

Яна легко сбегала вниз по ступенькам троллейбуса и помогла Лине вынести тяжелую сумку.

В большой квартире Петерсов было непривычно тихо. Яна, как обычно, понесла в столовую поднос с чайной посудой, но тетя Лина сказала:

– Попьем чаю на кухне и будем ложиться. Завтра у нас насыщенный день.

Девушка вздохнула, убрала обратно в кухонный буфет стакан отца в серебряном подстаканнике и мамину голубую чашку императорского фарфорового завода. Казалось, уехавшие родители забрали с собой уютную семейную атмосферу: громкий жизнерадостный голос мамы, постукивание ее каблучков по наборному паркету, шутки, которыми сыпал отец с невозмутимо серьезным лицом, их хохот дуэтом, дым папирос «Беломор» – курили и Ян Михайлович, и Лидия Андреевна.

После ужина Яна ушла в свою комнату, взяла книгу из шкафа и устроилась почитать в мягком вольтеровском кресле, любимом кресле деда. Он погиб в Гражданскую войну, еще до рождения внучки. Она раскрыла книгу, обняла колени и уставилась в окно. Желтая полоса, след ушедшего за горизонт солнца, горит на севере. Книга Достоевского «Белые ночи» выскользнула из рук задумавшейся Яны и упала на ковер. Девушка не шелохнулась. Сейчас ее не занимали неожиданные повороты судьбы Мечтателя. Подумаешь, бродил белой ночью по набережной Фонтанки, разговоры вел с чужой невестой...

Сердце Яны замирало в предчувствии собственной судьбы. Неужели это будет Егор? Девушка тихонько напела песенку из любимого фильма:

– Кто весел, тот смеется

Кто хочет, тот добьется,
Кто ищет, тот всегда найдет...

Вот это жизнь – путешествовать на поезде, на самолете и на пароходе, верхом и пешком, открывать новые страны, знакомиться с людьми. Девушка прикрыла глаза. Окутанный клубами пара черный паровоз с красной звездой, как тот, что увез к морю ее родителей, требовательно свистнул и тронулся. Яна увидела себя на перроне Витебского вокзала, но только почему-то темной ночью, а не светлым летним вечером, и она отчаянно бежит, пытаясь успеть на поезд.

Егор в красной рубашке тащит ее за руку, Яна оглядывается и видит спешащих к ней родителей, тетю Лину, ко-та Барсика. Грозный отец выхватывает револьвер из кобуры.

Во сне Яна плачет и кричит:

– Папа, спаси меня!

Но Егор забрасывает девушку в кабину паровоза и дергает рычаг. Паровоз басовито гудит, набирает скорость, растерянные лица родных скрываются во тьме, а Егор оборачивается к Яне и говорит:

– Наконец-то мы одни.

Его лицо, подсвеченное снизу огнем из паровозной топки, кажется чужим и страшным.

Девушка кричит:

– Нет, нет, я хочу домой! – и просыпается от собственного вопля, по щекам ее текут слезы.

– Да что же это такое, вот ведь кошмар приснился, – девушка досадливо вытерла глаза, щеки, распрямила затекшие ноги и встала с кресла.

– Надо спать, мне вставать рано, – приговаривала она, разбирая постель. Небо за окном потемнело.

– «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса», – шептала Яна, ложась. Она боялась закрыть глаза, но усталость взяла свое. И вот уже она бредет по берегу Финского залива и пытается разглядеть Кронштадт в голубой дали между морем и небом.

После белой ночи утро настало слишком рано. Тетя Лина изумленно охнула, когда умытая и причесанная Яна вышла на кухню.

– Доброе утро.

– Ты рано встала, моя девочка, но я уже сварила твою любимую кашу.

– Манку? – радостно спросила Яна.

– Овсянку, – поправила Лина.

– А, ладно, спасибо, – девушка села за стол, няня подала ей тарелку горячей каши со сливочным маслом и чашку свежесваренного чая. Торопливо отправив в рот две ложки каши, девушка отхлебнула чай, обожглась и оставила чашку.

– Ну, все, я побежала на вокзал, – Яна выскочила из-за стола.

– Погоди, егоза, я тебя провожу, – тетя Лина поправила белый платок перед большим зеркалом в прихожей и взяла тяжелую авоську, приготовленную с вечера.

– Понесем сетку вместе, – сказала девушка.

Яна опустила на деревянное сидение и выглянула в окно вагона. Тетя Лина стоит на платформе и машет ей рукой. Паровоз засвистел и тронулся. Яна помахала няне и поехала на дачу. Погожий субботний день только начинался. Девушка сняла соломенную шляпку и повесила ее на крючок у окна поверх авоськи с продуктами. Щурясь от солнца, Яна смотрела в окно. Зелено-медные сосны Карельского перешейка проплывали за окном вагона, белые облака летели по сияющему небу, но маленький серебряный самолетик обогнал их, покачал крыльями, приветствуя тихоходный земной транспорт, и исчез на севере, там, где море. Яна проводила его долгим взглядом. Предвкушение встречи с морем наполняло душу девушки ликованием. Конечно, Финский залив – очень мелкое море, но погулять на пляж она все равно пойдет. И, может быть, однокурсник Егор составит ей компанию. Надо же им выполнять комсомольское поручение старосты их группы: Егор подтягивает Яну по немецкому языку, а она его – по античной истории. Егор должен придти с утра на дачу Петерсов, и Яна спешила встретить гостя. Полчаса поездки тянулись как капли застывающей смолы по рыжему сос-

новому стволу. Девушка ощутила себя застрявшей во времени, как муха в янтаре. Неужели совсем скоро она увидит любимого друга? Момент, когда она впервые осознала, что однокурсник ей дорог, всплыл в памяти: морозный январь этого года, экзамен по истории дореволюционной России. Выйдя из аудитории, она очень удивилась – Егор ждал под дверью, пока она отвечала про Минина и Пожарского. Они вышли из университета, миновали Зимний дворец (теперь – Музей революции) и долго гуляли по проспекту Двадцать пятого октября, разговаривали обо всем, ели пышки, и Егор нес ее портфель с учебниками.

Из первого вагона дачного поезда Яна выпорхнула, озаряя улыбкой все вокруг. Крепкая рука с золотистыми волосками вокруг запястья поддержала ее, и девушка совсем не удивилась. Егор пришел ее встретить, разве он мог поступить иначе? Он взял ее набитую продуктами авоську, Яна надела шляпку и поправила темную косу с белой ленточкой. Егор перекинул авоську в левую руку и сжал ладонь девушки движением, с середины весны ставшим привычным. Ресницы ее опустились, скрывая теплые карие глаза.

– Я скучала по тебе, – смущенно выдохнула она. Он отвел прядь темных волос с ее атласного виска.

– Яночка, и я.

Она взгляделась в дорогое лицо и к сожалению заметила, что тени под синими глазами никуда не делись, а щеки впали, делая худое лицо Егора совсем аскетичным. Одет он был, как

всегда, аккуратно: белые брюки, белые парусиновые туфли, тенниска в черно-белую полоску, на левой стороне широкой груди сиял вытянутый золотисто-синий значок «Парашютист-спортсмен».

– Ты не выспался? – нежно спросила она.

– Глаз не сомкнул, ночью разгружал вагоны, а потом ждал, когда ты приедешь. Я встречаю уже третий поезд.

– Мы с тетей Линой вчера зашли в «Елисейский», а утром она проводила меня на вокзал.

– Вы, наверное, скупили полмагазина, – сказал Егор. – Ого, тяжеленная сетка, как ты ее дотащила?

– Это наш завтрак, – скромно ответила Яна. Молодые люди подошли к даче. Серый полосатый кот ждал на ступеньках крыльца. Увидев молодую хозяйку, он выгнул спину и громко замыкал. Она подхватила любимца, зарылась лицом в густую шерсть, и зверь басовито замурлыкал. Голова девушки кружилась от счастья и голода.

– Я еще не завтракала.

– Я тоже.

Яна, прижимая к себе кота, схватила Егора за руку и повлекла на кухню. Там урчащий полосатый зверь был спущен на пол.

– Поставь сетку на стол, пожалуйста, – попросила Яна, достала оттуда кружки докторской колбасы в пергаментной бумаге и выложила их на блюде.

– На, Барсик, ешь.

Кот подошел к своему блюдцу и набросился на колбасу. Девушка вымыла руки и потянулась за спичками.

– Сейчас разожгу плиту и приготовлю завтрак.

– Я помогу, – сказал Егор.

– Не надо, родители оставили растопку с прошлого воскресенья, – ответила Яна, одной спичкой разожгла плиту и поставила на нее старый медный кофейник.

– А кофе можешь смолоть? Кофемолка наверху.

Егор вытянулся во весь рост и достал с верхней полки буфета дореволюционный механизм, сверкнувший медной ручкой. Вскоре бодрящий аромат свежесваренного кофе поплыл из кухни на веранду. Яна повязала нянюшкин фартук поверх своего белого платья и выкладывала из сетки на кухонный стол привезенное из города угощение: два городских батона, розовую ветчину, докторскую колбасу в веревочной сетке, яйца, кусок желтого дырчатого сыра, бутылку сливок, пряники, две плитки шоколада и кулек карамелек «Раковые шейки». Опустившись на табурет, молодой человек наблюдал за проворными загорелыми руками девушки.

Наконец сетка была разгружена. Яна вскрикнула, когда Егор поставил на стол, глухо стукнувший сверток в газетной бумаге.

– Егор, что это?

– Я купил бутылку вина «Абрау-Дюрсо».

– Зачем? – удивилась девушка. – Это же дорогое вино.

– Отметим окончание летней сессии.

– Ах, вот зачем ты вагоны разгружал, – догадалась Яна.

– Я помогаю маме, надо будет сестрам купить зимние пальто.

– Помоги и мне, сбегай в огород, принеси укропа и зеленого лука, – попросила она, нежно, улыбаясь. Егор мигом исчез, а девушка взяла миску и разбила в нее пять яиц.

– А ты хозяйственная, Янка, – выдохнул Егор, кладя на стол пахучий пучок зелени. Бархатные карие глаза девушки стали лучистыми.

– Я с детства помогаю тете Лине на кухне.

– Это твоя тетя?

– Это моя няня и великолепная кухарка. Она научила меня готовить вкусный омлет, кашу и гренки. Любишь омлет? – спросила она ласково.

– Только омлет, – сглотнув, ответил он (в их семье предпочитали яичницу-глазунью).

Яна тихонько запела, накрывая стол на открытой веранде для их первого совместного завтрака. Воздух, пахнувший сосновой смолой и цветущим шиповником, вливается в легкие. «Почему на даче всегда так хочется есть?» – удивилась Яна и еще быстрее забегала из кухни на веранду. Вскоре пышный крестьянский омлет поднялся на горячей сковороде – кружки картофеля, залитые взбитыми со сливками яйцами, все это посыпано стружками плавящегося золотистого сыра, мелко нарезанным зеленым луком, укропом. Девушка решила пожарить еще и гренки. Съеденное на вокзале мороже-

ное ненадолго приглушило ее чувство голода, но здоровый молодой аппетит требовал более существенной пищи. Вскоре горка золотистых гренок выросла на фарфоровом, белом в голубые незабудки, саксонском блюде. Яна торжественно поставила его в центр покрытого льняной скатертью стола и перелила густые сливки из стеклянной бутылки в сливочник из того же сервиза.

– Будешь ветчину? – спросила она, не оборачиваясь, и так почувствовала, что Егор стоит за ее спиной.

– Угу, – выдохнул он.

– На, съешь кусочек.

Егор нагнулся, задел горячими губами тонкую шею девушки и вытянул из ее аппетитно пахнущих пальцев ломтик розовой ветчины с тоненькой прослойкой сала.

– А сыр? – спросила она задыхающимся голосом.

– Да, и скорее.

– Сейчас, – девушка быстро разложила на тарелки ветчину, сыр, украсила веточками укропа. – Ну вот, неси на стол.

Кот, мурлыча, потерся об ее ноги.

– Поел, Барсик? – нежно спросила она.

– Когда? – шутливо – обиженно протянул гость, а кот громко заурчал.

– Иди, погуляй, – сказала Яна любимцу. Кот сыто потянулся, пушистый хвост мелко задрожал, зеленые глаза сверкнули в полуметре над полом. Синие и карие глаза проводили зверя на залитый солнцем двор.

– Теперь и мы пойдем есть, – позвала девушка и сняла передник.

– Ну, наконец-то! После вас, – Егор галантно пропустил Яну на веранду, захватил сковороду с омлетом и разложил его на две тарелки, расписанные такими же, как блюдо, цветочками.

– Ой, я забыла вино и рюмки, – вскрикнула, вскакивая, Яна.

– Вечером, отметим окончание летней сессии, – сказал Егор, и девушка послушно опустилась на стул.

– Тетя Лина придет в восемь часов вечера, надо будет ее встретить.

– Конечно, встретим, – ответил Егор.

Молодые люди завтракали чинно, как примерные комсомольцы. Яна разливала кофе, гость потом вымыл посуду в тазу. Закончив хозяйственные дела, они взяли учебники, и пошли на пляж. Яна скинула сандалии и аккуратно сняла белые носки.

– Ногам уже горячо, – радостно сказала она, зарываясь ступнями в мелкий светлый песок, перемешанный с сосновыми иглами.

Прекрасное летнее утро превратилось в сияющий солнечный день, тихая вода залива блестела тысячами маленьких солнц.

– Знаешь, завтра будет солнцестояние, – задумчиво сказала девушка, глядя вдаль, где темно-голубое море и светло-голубое небо сливались в иллюзорной линии горизонта.

– Да, я смотрел в астрономическом календаре: день двадцать второго июня – самый длинный в этом сорок первом году, – ответил Егор, любуясь нежным профилем Яны.

Глава 2

ДЕНЬ ЗИМНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

Черная тарелка на стене щелкнула и заговорила. Яна вздрогнула и вы

прямилась в кресле. Ясный голос Ольги Бергольц раздался совсем близко.

Девушка застыла, опустила голову и поплотнее закуталась в ватное одеяло.

Сегодня была очередь тети Лины идти за водой на водонапорную башню. Счастье, что совсем близко от их дома, на улицу Воинова.

Яна и Лина остались вдвоем в июне 1941 года, когда родители Яны уехали отдыхать на юг. А в ближайшее воскресенье началась война. «В день летнего солнцестояния», – невесело усмехнулась Яна. Лето они провели в большой растерянности, ожидая известий от родителей, но писем и телеграмм не было, кроме одной, пришедшей днем 22 июня – чета Петерсов сообщила, что благополучно добралась до санатория. С наступлением холодов Лина наладила скудный блокадный быт – взяла Яну в свою комнату при кухне, маленькую комнатку для прислуги. Здесь топилась буржуйка, было относительно тепло. Девушка и няня спали в одной

кровати, застеленной мягкими перинами, пуховыми подушками, верблюжьими одеялами. Мама Яны, Лидия Андреевна, ценила комфорт, и теперь это ее пристрастие облегчало жизнь ее родным. Акулина Михайловна, умудренная опытом женщина, вспомнила предыдущую блокаду Петрограда во времена Гражданской войны, и делала все, чтобы сохранить жизнь своей девочке. Понемногу она меняла на продукты обстановку квартиры, оставшуюся от мирного времени. Были проданы лишние пуховые подушки и одеяла, библиотеку пока не трогали. И надо было еще каждый месяц платить за квартиру – управдом бдительно следил за этим. Некоторым соседям деньги присылали родные с фронта или с Большой земли, но Лина и Яна выживали только вдвоем. Они не были на своей даче с первого дня войны.

Тогда они в большой спешке уехали в Ленинград, а их красавец – кот, серый полосатый Барсик, остался на даче, ушел, как обычно, гулять вечером в субботу и не вернулся в воскресенье. Тетя Лина и Яна бегали, звали его, охрипли и в слезах уехали в город на последнем вечернем поезде – сведения с фронтов поступали самые неутешительные. Егор проводил домой свою однокурсницу и ее няню и обещал, что поищет кота. Вскоре юношу призвали на фронт, его умения должны были пригодиться в армии – парашютист, воронцовский стрелок. Он пришел к Яне проститься, и девушка подарила ему томик Пушкина, издания 1937 года с теплой надписью «Дорогому Егору на добрую память. 30 июня

1941 года».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.